

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА СОВЕТСКОЙ БЕЛАРУСИ 1920-Х гг.

Мусина Н.Е.

*УО «Витебский государственный ордена Дружбы народов
медицинский университет»*

Молодой человек 1920-х годов – это представитель социальной группы в возрасте от 14 до 23- 24 лет (в числе которых – подростки от 14 до 16 лет), что обусловлено средней продолжительностью жизни в тот период и физическим началом рабочего возраста. По своей структуре молодежь как социальная группа неоднородна: существуют различия по полу, возрасту, месту проживания (город, деревня). Кроме того, можно выделить отдельные подгруппы - учащиеся, студенты, работающие, беспризорные, безработные, военнослужащие и т. д. Тем не менее, в силу ряда схожих специфических особенностей эту социальную группу можно рассматривать как некую единую социальную общность. В данной статье «молодой человек» выступает как некий усредненный, обобщенный социальный тип – представитель этой общности и одновременно вполне конкретной культурно-исторической эпохи.

Создание обобщенного социально-психологического портрета молодого человека тех лет представляется довольно сложным в силу неоднородности данной социальной группы, а также в силу неоднозначности происходящего. Поэтому этот тип не может быть

сведен к нескольким упрощенным характеристикам без учета конкретной социокультурной обстановки. Кроме этого, объем данной статьи не позволяет раскрыть во всей глубине и противоречивости социально-психологический портрет молодого человека тех лет. В целом же попытки увидеть складывающиеся или уже сложившиеся типичные личностные качества молодых людей помогут глубже понять и увидеть то время.

Настроения, переживания молодых людей, их чувства, мотивы поведения, отношение к происходящему, особенности отношений между собой, между человеком и обществом отражают документы тех лет, в частности, письма, отчеты, протоколы выступлений на собраниях и т. д.

Вот, к примеру, отрывок из письма слушателя рабфака от 1. 02. 1924 г.: «Одно у нас скверно обстоит дело в ... общежитии ... стены мокрые, в каждом уголке лед, ... что и отражается на нашем здоровье...». Однако тут же: «Занимаемся по прежнему, но в последнее время не очень нормально, в связи с всемирной потерей, которая ... навеки неизлечима в наших сердцах...» (имеется в виду смерть В.И. Ленина)[1]. Это письмо отражает искреннее переживание утраты, проникновение государственного, общественного во внутренний мир молодого человека.

В тот период безработица и другие социальные проблемы стали серьезным испытанием для молодежи. Иногда это было связано с вопросом морального выбора. Так, например один из комсомольцев Витебского пивоваренного завода явился в ячейку и положил комсомольский билет: «Не могу быть больше комсомольцем!». На товарищеском суде, которому был предан комсомолец К., тот так объяснил свой поступок: «Оставшись без работы с комсомольским билетом в кармане, я должен зубы положить на полку, а без него ... вольная дорога, что хошь, то и делай. Хоть самогонкой торгуй!» [2]. Суд, конечно, не оправдал поступок К., обвинив его в позорном малодушии перед материальной необеспеченностью, в противопоставлении личных интересов интересам общественным.

В 20-е годы в студенческой среде распространенными были политсуды. Это была одна из форм по выявлению социально чуждых элементов в русле проводимой общегосударственной политики. И некоторые студенты с готовностью обличали, уличали тех, кто скрыл свое социальное положение. Так, например, по поводу одного из студентов в протоколе заседания профкома от 27. 05. 1929 г. говорилось: «При поступлении в техникум он в анкете на пункт социальное происхождение написал, что отец крестьянин, а наверху

написано «был попом», но это перечеркнуто несколько раз и только хорошо разглядывая при дневном свете кое-как можно разобрать «был попом». Приемная комиссия этого не заметила и приняла его в техникум. То есть – вывод, что он скрыл свое социальное происхождение и положение и обманул приемную и стипендиальную комиссию (получал полную стипендию)... В начале года Акалович сделался хорошим активистом, пролез в бюро К.С.М. (коммунистический союз молодежи), секретарем ячейки и кандидатом профкома, думая этим скрыть свое социальное происхождение. Но скоро его распознали и сняли с этих работ» [3]. Тут же содержатся записи о предложении об исключении других студентов на том основании, что, как выяснилось, их отец был либо раввином, либо в прошлом крупным торговцем, либо лишен права голоса. Правда, видимо не слишком рьяно шел этот процесс, так как в документах также дается оценка этому: «слабо развернута работа по выявлению социально чуждых элементов», «не сложилось общественное мнение по выявлению социально и идеологически чуждых элементов».

Молодежь, в первую очередь студенческая, активно вовлекалась во многие мероприятия, которые проводились в рамках общегосударственной политики. В их числе, например, - антирелигиозная кампания. Хотя, как свидетельствуют документы тех лет, в тот период достаточно много было верующих и среди молодежи, но часть молодых людей активно участвовала в мероприятиях антирелигиозного характера. Как это проводилось, можно судить по следующему отчету студенческой бригады в составе трех человек о праздновании 1 мая и антирелигиозной кампании в подшефном сельском совете в 1929 году:

«У вёсцы Шэрбіна каля самай царквы, дзе ў гэты вечар павінна быць усяночная, зрабілі вечар. Спачатку адчынілі танцы пад гармошку. Уся моладзь, якая была ў царкве або гатавалася ісьці, сабралася ў клуб. Патанцаваўшы гадзіны паўтары, адчынілі сход з дакладам «Пасха и крестьянство». Доклад выклікаў ажыўленне ў моладзі, якое вылілася ў шчырых спрэчках. Пасля гэтага караценькая мастацкая частка была скончана, а тады зноў пачалі, хто жадае, скакаць» [4].

Аскетизм, порожденный той эпохой, проявлялся во взглядах молодых людей на быт, свой внешний вид, на взаимоотношения полов. Показательно в этом плане осуждающее выступление одного из студентов: «Поглядев на поведение Рыбаковой невозможно поверить, что она по происхождению является дочерью батрака! У нее есть и кокетство и жеманство»[5]. А когда в «Комсомольской правде» было опубликовано стихотворение Александра Жарова «Послание

женщине», в котором поэт призывает комсомолку «снять скорее сапоги, чтоб не пропали линии ноги», в редакцию посыпалась масса писем, в которых указывалось, что стихотворение это идеологически не выдержано, и что о красоте женских ножек писал только Пушкин, «а нашим поэтам заниматься этим не следует!»[6].

Об отношении молодежи к попыткам обобществления быта свидетельствует следующий фрагмент: «Организована студенческая бытовая коммуна... При организации студенческой бытовой коммуны, студентам-стипендиатам, которые не хотели вступать в коммуну, сказали, что о них будет стоять вопрос о пребывании в техникуме. Все поступили в коммуну. Установлен 15 рублевый пай (стипендия была – 20, 17 и 13 рублей), приступили к обобществлению книжек, выписывается литература за средства коммуны, отпускаются средства на стирку белья и посещение бани»[7].

Целью проводимой государственной молодежной политики тех лет было воспитание новых поколений в социалистическом духе, формирование нового типа личности, в числе важнейших социально-психологических качеств которого должны были стать коллективизм, классовая и идеологическая преданность, интернационализм, способность ставить общественное превыше личного и т. п. Задачей данной статьи являлось увидеть не политику как таковую, а ее преломление в мироощущении молодого человека – представителя своего поколения, представить этот процесс изнутри.

Литература.

1. Государственный архив Витебской области. Ф. 421. Оп. 1. Д. 56. Л. 2.
2. Заря Запада. – 1926. – № 123. – 30 мая.
3. ГАВО. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 292. Л. 180.
4. ГАВО. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 318. Л. 26.
5. ГАВО. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 303. Л. 279.
6. ГАВО. Ф. 2289. Оп. 2. Д. 106 а. Л. 128.
7. ГАВО. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 303. Л. 305.